

ТАРТУСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
КАФЕДРА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

94-5

528

**СБОРНИК СТАТЕЙ
к 70-летию проф. Ю. М. Лотмана**

ТАРТУ 1992

выше, что он при своем замечательном таланте внес в них и мысль сознательную, и лучшую часть самого себя» /ХII, 454, 456/. Показательно, что мысль Белинского ведет к Некрасову: осмеянный за бенедиктовщину автор сборника «Мечты и звуки» вырос в поэта, в чем-то меняющего представление Белинского о поэтическом совершенстве. «Движущаяся эстетика» и освоила новые литературные открытия, и существенно изменившиеся взгляды самого критика.

Во второй половине сороковых годов у Белинского появляется даже потребность найти положительный смысл поэзии Бенедиктова в литературном развитии, и такой положительный смысл он назовет «отрицательным». «Само собою разумеется, что предмет поклонения всегда бывает выше своих поклонников, а так как почитателей таланта г. Бенедиктова даже и теперь тьма-тьмущая, то и нельзя не согласиться, что г. Бенедиктов есть в своем роде замечательное явление в русской литературе, как были в ней замечательные, например, Марлинский и г. Языков. Конечно, подобная «замечательность» ненадежна и недолговременна, но все же она имеет свое значение, потому что основана не на одном только дурном вкусе эпохи или значительной, по большинству, части публики, но также и на таланте своего рода. Но мы уже не раз говорили, что есть таланты, которые служат искусству положительно, и есть другие, которые служат ему отрицательно» /IX, 260/.

Белинский в 40-е годы совершенно отказывается от анализа стихов Бенедиктова и оценку, давно сложившуюся и успевшую устояться, «освежает», вводя в текст «портрет» музы пережившего свою краткосрочную славу поэта.

Критик оттеняет заурядность и отсутствие вкуса в музее Бенедиктова, контрастно сопоставляя ее с музой Пушкина. Он не гонится за оригинальностью рисунка или впечатления. Пушкинская муза — либо целомудренно обнаженная античная статуя, либо аристократка, простая и изысканная одновременно. Муза Бенедиктова — «женщина средней руки, если хотите, недурная собою, даже хорошенская, но с пошлым выражением лица». Бойкость, вертлявость, болтливость, пристрастие к белилам, румянам и стразам (настоящих бриллиантов у этой особы нет) — вот штрихи и краски, из которых складывается облик существа, одновременно претенциозного и «дешевого».

«Портрет» музы Бенедиктова как бы предвосхищает рисунок образа Кукшиной у Тургенева и общностью черт, и авторским отношением, в котором снисходительная насмешка уживается с жалостью и презрительным отталкиванием.

Создав внешний облик бенедиктовской музы, Белинский специально отмечает, что так выглядит форма, «выражение», разделяя, что в принципе нехарактерно для его видений

поэзии, «выражение» и «содержание» в творчестве Бенедиктова, но не потому, что хочет противопоставить одно другому, а для того, чтобы полнее выявить сущность и кажимость того, в чем современники (прежде всего Шевырев) видели «поэзию мысли» Бенедиктова. «Что же касается до ее (музы Бенедиктова. — А. Ш.) содержания, — с этой стороны она тем беднее, чем больше претендует быть богатою. Что многим кажется избытком мыслей в поэзии г. Бенедиктова, то *не мысли*, а *рефлексия*; рефлексия же относится к мысли, как резонерство к мышлению, умничание к уму, толстота в величию, надутость к высокости, сентиментальность к чувству» /Х, 260/.

Белинский не уличает Бенедиктова в безмыслии, но через подбор соотносительных понятийных пар дает ощутить читателю «пустомыслие», вернее, эрзац мысли как содержательную сторону творчества поэта. Рефлексия, по его мнению, начисто противопоказанная лирике, убивает в ней само свойство поэтичности, делая ее неудачной прозой. Поэтому критик снова позволяет себе рискованную процедуру — превращение стихотворного текста в прозаический: «Разложить стихотворение г. Бенедиктова на составные элементы, пересказать его содержание из него же взятыми и нисколько не измененными фразами — всегда значит обратить его в пустоту и ничтожество» /Х, 260/.

Кольцо замкнулось. Белинский остался верен себе и первому своему впечатлению. Свергнутый для большинства современников «король поэзии» занял свое «историческое» место в современности: историзм Белинского был, главным образом, публицистичным. Слово критика оказалось решающим в современном ему и дальнейшем взгляде на поэзию Бенедиктова.

Но будущие пути развития культуры оставались открытыми. И, как пишет Ю. М. Лотман: «Нет оснований считать то, что фактически произошло, во что бы то ни стало проявлением «прогрессивного хода истории».⁴

ЦИНИЗМ БАЗАРОВА

П. Рейфман

Увидев в первый раз Одинцову на балу у губернатора в городе***, Базаров говорит о ней: «Кто бы она ни была (...) только у ней такие плечи, каких я не видывал давно»¹. Позднее, в ответ на восторги Аркадия: «А все-таки она пре-

* Лотман Ю. М. В точке поворота // Тезисы докладов научной конференции «А. Блок и русский постсимволизм». Тарту, 1991. С. 8.

¹ Тургенев И. С. Полн. собр. соч. и писем. В 30 т. М., 1978. Т 7. С. 71. Далее: Тургенев.

лесь», Базаров добавляет: «Этакое богатое тело! (...) хоть сейчас в анатомический театр»². Реплики Базарова вызывают возмущение и протест Аркадия: «Перестань, ради бога, Евгений! это ни на что не похоже», «Аркадия покоробило от цинизма Базарова»³. Чувства Аркадия разделяли многие. В дальнейшем, уже вне рамок тургеневского романа, мотив «богатого тела», как важная составная часть «нигилистического» мировосприятия, будет многократно повторяться и в беллетристике, и в критике, и в самом быте 1860-х гг. Противники революционных демократов станут обвинять тех в том, что они отношения между мужчиной и женщиной сводят к «физиологии», к «богатому телу». Люди радикального толка объявят подобные обвинения клеветой, пасквилем, получившим распространение с легкой руки Тургенева.

Нужно, конечно, учитывать, что оценка реплик Базарова дается Аркадием, к которому сам автор романа относится довольно иронически. Несомненно и то, что своими репликами Базаров дразнит Аркадия. Тем не менее они отражают некоторые реальные стороны базаровской теории, они не случайны, как не случайно и то, что отношение Базарова к женщине стало важной чертой формирующегося нарицательного образа «нигилиста».

Но речь вовсе не шла о пасквиле, в чем многие обвиняли Тургенева. И мотив «богатого тела» вовсе не закреплен романистом исключительно за «новыми людьми», не является чем-то, противопоставляющим Базарова, «великого охотника до женщин»^{3а} персонажам прежних тургеневских произведений, «лишним людям» с их любовной романтикой. Более того, этот мотив связан с предшествующей литературной традицией, в том числе тургеневской, на которую сознательно ориентируется автор «Отцов и детей».

Прежде всего здесь следует вспомнить Пушкина, один из эпизодов «романа в стихах», выдержаный в тоне легкой пушкинской иронии. На вопрос Онегина: «Что Ольга резвая твоя?» влюбленный Ленский отвечает: «Ах, милый, как похорошили у Ольги плечи, что за грудь! Что за душа!..»⁴ В таком перечислении прелестей любимой «поклонником Канта и поэтом»⁵ душа не случайно оказывается на последнем месте, после плеч и груди.

Позднее эти плечи и грудь перекочевывают к Тургеневу, но с ориентацией еще на одно литературное преломление. В поэме «Помещик» (1845) описывается аппетитная вдовушка —

² Тургенев. Т. 7. Т. 75.

³ Там же. С. 75, 71.

^{3а} Там же. С. 87.

⁴ Пушкин А. С. Полн. собр. соч. В 10 т. М., 1962—1965. Т. 5. С. 96.

⁵ Там же. С. 38.

соседка главного персонажа: «Какие плечи! Что за стан! А груди — целый океан!»⁶. Приведенные строки — реминисценция из «Евгения Онегина», намеренно неточная. Следует помнить, что вся поэма «Помещик», начиная от размера, отдельных описаний (напр., провинциального бала) и до скрытых и прямых реминисценций, ориентирована на «Евгения Онегина». Такая ориентация иногда подчеркнуто фиксируется Тургеневым. Так, строки: «Им овладело беспокойство, Весьма естественное свойство» сопровождаются авторской сноской: «Им овладело беспокойство, Охота к перемене мест, Весьма мучительное свойство... («Евгений Онегин»)»⁷.

Но при описании «прелестей» вдовы, где используется реминисценция из «Евгения Онегина», сноска дается не на него, не на Пушкина, а на Бенедиктова: «Мы бы не решились употребить такое смелое сравнение, если бы нас не ободрил пример г-на Бенедиктова. Кто не помнит его превосходных стихов:

... И на этом океане
В пене млечной белизны
Из-под дымки, как в тумане,
Рисовались две волны»⁸

Необходимо учитывать, что имя Бенедиктова не было для Тургенева безразличным. В 1830-е годы он, как и многие другие молодые люди, безоговорочно восхищался стихотворениями Бенедиктова, считал его своим кумиром. Об этом идет речь в «Литературных и житейских воспоминаниях» («Воспоминания о Белинском»). Рассказывая о появлении в 1836 г. книжки стихотворений Бенедиктова⁹ («Как теперь ее вижу»), Тургенев отмечает, что они «привели в восхищение все общество, всех литераторов, критиков — всю молодежь. И я, не хуже других, упивался этими стихотворениями...»¹⁰ Статья Белинского, развенчивавшая Бенедиктова, вызвала негодование Тургенева, но вскоре он начал понимать, что «критикан» прав, что доводы его убедительны: «Прошло несколько времени — и я уже не читал Бенедиктова»¹¹. Не читал, но многое запомнил. И многое у Бенедиктова становится для Тургенева символом пошлости.

Ко времени создания поэмы «Помещик» юношеское увлечение Бенедиктовым осталось далеко позади. Упоминание его «превосходных стихов» явно ироническое. Описание «прелестей»

⁶ Тургенев. Т. I. С. 160.

⁷ Там же. С. 170.

⁸ Там же. С. 160. У Бенедиктова: «через дымку».

⁹ Там же. Т. II. С. 22. На самом деле сборник стихов Бенедиктова вышел в 1835, а не в 1836 г.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

соседки — пародирование пошлости Бенедиктова. Сведение же воедино реминисценции из Пушкина и сноски на Бенедиктова имело определенный смысл, не было случайным.

Дело в том, что Бенедиктов многими воспринимался как достойный преемник Пушкина, творец философской лирики, поэт мысли, в чем-то даже превзошедший своего гениального учителя. Тургенев как бы расставляет предметы по местам, проясняет, кто есть кто. В реминисценции из «Евгения Онегина» он разделяет авторскую иронию, относящуюся к восторгам Ленского, содержащих легкий оттенок потенциальной пошлости. В сноске же он иронизирует над самим Бенедиктовым, над его пошлостью, пародируя ее в тексте «Помещика».

Любопытно, что аналогичное сопоставление — противопоставление неожиданно появляется через много лет в пьесе Булгакова «Последние дни (Пушкин)». В ней официально-патриотический драматург Кукольник и поэт Бенедиктов, с его эротическими стихотворениями ставятся в один ряд, оба резко противопоставляются Пушкину: «Кукольник. Разрешите (...) представить вам нашего лучшего отечественного поэта — Владимира Григорьевича Бенедиктова. Вот истинный светоч и талант!»¹² Далее Кукольник просит Бенедиктова, с которым он близок, на «ты», прочитать стихотворение «Напоминание», то самое, которое цитирует Тургенев в сноске к поэме «Помещик». В пьесе подробно приводится текст этого стихотворения. Кукольник сопровождает его чтение словами: «Браво, браво! Каков!» Все это идет на фоне упоминаний о Пушкине, слухов о том, что его якобы высекли, что он ничего не пишет и т. п. На слова о том, что некоторые утверждают, будто первым поэтом является Пушкин, Кукольник бросает: «Светские химеры!»¹³

Мотив «богатого тела» появляется вновь в романе «Накануне», в связи с характеристикой Шубина. Говоря Берсеневу, что Елена вряд ли сможет полюбить его, Шубина, он упоминает, что она «на днях застала меня целующим руки у Зои!» «У Зои?» — спрашивает удивленный Берсенев. — «Да, у Зои. Что прикажешь делать? У нее плечи так хороши. — Плечи? — Ну да, плечи, руки, не все ли равно?»¹⁴.

Итак, герой дворянского типа был далеко не безразличным к «материи», к женским плечам, рукам, груди, и даже говорил об этом, не вызывая негодования читателей. Но стоило коснуться этого «предмета» новому человеку, Базарову, и все сразу завопили: «цинизм». Сам же Тургенев отнюдь так не думает.

¹² Булгаков Михаил. Пьесы. М., 1986. С. 248.

¹³ Там же. С. 252, 253.

¹⁴ Тургенев. Т. 6. С. 179.

Как раз у Базарова в его словах о «богатом теле», роскошных плечах Одинцовой нет ни капли цинизма, той печати пошлости, «клубничного оттенка», который ощущается у Бенедиктова. Он серьезен и по-своему целомудрен даже по сравнению с «лишними людьми», героями предшествующих произведений Тургенева.

Есть другое. Эпажок окружающих, о чём уже говорилось выше. Есть и стремление грубыми словами скрыть от Аркадия то впечатление, которое на него произвела Одинцова, впечатление, не приличествующее «реалисту». Знакомясь с Одинцовой, Базаров, к удивлению Аркадия, «как будто сконфузился»¹⁵. Она сразу же замечает, «что он чувствовал смущение» и в то же время понимает, что «в пошлости никто бы не упрекнул Базарова»¹⁶. Тем не менее слова о «богатом теле» объясняются не только эпажем, стремлением не обнаружить своих чувств. Они определены «теорией» Базарова.

Как и в других случаях, Тургенев проводит Базарова через испытания на свидании, которое тот не выдерживает, подобно персонажам тургеневских произведений 1850-х гг. Но не выдерживает по-своему.

У Тургенева почти всегда *rendez-vous* — кульминационный момент, суд над героем. Поведение на *rendez-vous* раскрывает сущность тургеневских главных (а иногда и второстепенных) персонажей, и это относится не только к «лишним», но и к «новым» людям, к Базарову. Поведение Базарова на *rendez-vous* чрезвычайно важно для раскрытия общего замысла романа, для понимания характера героя. Исследователи не всегда обращали на это должное внимание, объективно преуменьшая роль свидания в концепции «Отцов и детей».

Основной конфликт, определяющий поведение Базарова на *rendez-vous*, отражающий, по мнению автора, несостоятельность его общей позиции и в то же время силу, честность, искренность, незаурядность его натуры, — конфликт между теорией и жизнью. Этот конфликт отмечала как главный критика почвенников. О нем подробно писал Н. Н. Страхов в статье об «Отцах и детях»¹⁷.

По «теории» отношении Базарова к женщинам сводится к мотиву «богатого тела»: «И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? Мы, физиологи, знаем, какие это отношения»¹⁸. ««Нравится тебе женщина, — говорил он, — старайся добиться толку; а нельзя — ну, не надо, отвернись

¹⁵ Там же. Т. 7. С. 72.

¹⁶ Там же. С. 74.

¹⁷ Страхов Н. Н. «Отцы и дети». И. Тургенева // «Время». 1862. № 4. См. также Курляндская Г. Б. Романы И. С. Тургенева 50-х — начала 60-х годов. Казань, 1956. Учен. зап. Казанск. ун-та. Т. 116. Кн. 8.

¹⁸ Тургенев. Т. 7. С. 34.

— земля не клином сошлась»¹⁹. Это — теория, которая не выдерживает испытания практикой, жизнью, оказывается догмой, схемой, что понимает сам Базаров, с негодованием ощущая «романтика в самом себе»²⁰: «он скоро понял, что с ней «не добьешься толку», а отвернуться от нее он, к изумлению своему, не имел сил»²¹.

Теория Базарова касательно поведения на *rendez-vous* оказывается мертвой механической конструкцией, которая, по мнению Тургенева, лишь часть более общей конструкции — схематического представления о жизни в целом, типичном для революционных демократов. В данном случае мнение Тургенева перекликалось с точкой зрения почвенников. Так, например, в статье Страхова «Н. А. Добролюбов» направление «Современника» определялось как направление людей, которые «у нас названы теоретиками»; для них характерна «отвлеченная мысль», уводящая от жизни, мысль «бледная и сухая», «всегда мысль равняющая, сглаживающая различия и обесцвечивающая явления»²². Аналогичные утверждения встречаются и в статье Ф. М. Достоевского «Два лагеря теоретиков», в других выступлениях почвенников. Не случайно Тургенев и Достоевский особенно близки в это время. Достоевский высоко оценивает Базарова, Тургенев находит, что Достоевский особенно верно понял смысл этого образа.²³

Сотрудники «Современника» осмыслили роман «Отцы и дети» как клевету на «молодое поколение». Антонович в статье «Асмодей нашего времени» утверждал, что Тургенев, вместо изображения отношений между «отцами» и «детьми», написал «панегирик «отцам» и обличение «детям»; да и «детей» вы не поняли, и вместо обличения у вас вышла клевета»²⁴.

Через много лет после этого диалога, в 1884 г., в «Воспоминаниях об отношениях Тургенева к Добролюбову и о разрыве дружбы между Тургеневым и Некрасовым» Чернышевский продолжал считать, что роман «Отцы и дети» был «открытым заявлением ненависти Тургенева к Добролюбову», добавляя при этом, что, каким бы ни было намерение Тургенева, «сходства нет никакого, хотя бы и карикатурного»²⁵.

Не выясняя основы, биографической, жизненной, журнально-литературной, на которой возникла базаровская теория

¹⁹ Тургенев. Т. 7. С. 34.

²⁰ Там же.

²¹ «Время». 1862. № 3. С. 44—45.

²² Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30 т. Т. 5 /1973/. С. 59. Тургенев. Письма. Т. 5. С. 37. См. также стр. 27, 38, 59, 61.

²³ Антонович М. А. Асмодей нашего времени // «Современник». 1862. № 3. С. .

²⁴ Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч. В 15 т. Т. 1 /1939/. С. 737, 741.

«богатого тела», отношений мужчины и женщины (что нуждается в специальном исследовании), отметим лишь искренность отмежевания от нее сотрудников «Современника». Облик Добролюбова, его статьи, содержание некрасовского журнала в целом не дают основания для сближения их со взглядами Базарова относительно *rendez-vous*. Более того, материал, публиковавшийся в «Современнике» во многом противостоял подобным концепциям. Редакция печатала большое количество статей по «женскому вопросу», где говорилось о значении женщины в обществе, в семье, в воспитании молодого поколения. Особенно необходимо выделить здесь выступления М. Л. Михайлова — страстного поборника женской эмансипации. В 1860—1861 гг. в «Современнике» напечатаны статьи Михайлова «Женщины, их воспитание и значение в семье и в обществе», «Джон Стюарт Милль об эмансипации женщин», «Женщины в университете» и др. Знаменательно, что Михайлов решительно возражал против попыток свести отношения мужчины и женщины лишь к физическому влечению. «Физиология, — писал он, — не открыла и не угадала еще закона», управляющего образованными народами, «закона парности организмов»; по мнению Михайлова, влечение мужчины к женщине «никак нельзя приписать исключительно разнице полов»²⁶. Следует отметить, что подобного же рода высказывания характерны и для «Русского слова».

Весной 1863 г. в «Современнике» опубликован роман Чернышевского «Что делать?», во многом полемичный по отношению к «Отцам и детям». Не соглашаясь с тем, как изобразил «нового человека» Тургенев, Чернышевский как бы противопоставляет своих персонажей Базарову, искренне считая, что именно они — подлинные, неискаженные портреты «новых людей». Полемичность касается и поведения таких людей на *rendez-vous*. Лопухов, Кирсанов, Вера Павловна ведут себя на свидании совсем не так, как Базаров. Менее всего их можно обвинить в пропаганде теории «богатого тела». Если уж упрекать в данном случае Чернышевского, то не за «цинизм», а за излишнюю слашавость, приторную сентиментальность. Поведение героев «Что делать?» на *rendez-vous* дано в русле вовсе не базаровском, а своеобразно решаемой давней литературной традиции, русской и зарубежной. Здесь уместно вспомнить романы Жорж Санд («Как»), Шарлоты Бронте («Джен Эйр»), Герцена («Кто виноват?»). Чернышевский вполне осознанно ориентируется на эту традицию, одновременно полемизируя с ней, давая более «простые» решения. Везде здесь идет речь о «любовном треугольнике», по-разному

²⁵ Михайлов М. Л. Женщины, их воспитание и значение в семье и обществе // «Современник». 1860. № 4. С. 497.

решаемом. Чернышевский находит, что его решение — самое верное. Ничего подобного нет в «Отцах и детях», любовный «треугольник» для романа Тургенева вообще не значим. И вроде бы закономерны упреки: Тургенев приписал «новым людям» то, что, судя по содержанию «Современника», было для них совсем не характерно.

Однако, есть одно немаловажное обстоятельство, сближающее «цинизм» Базарова и поведение на свидании героев Чернышевского. При всем отличии поступков, взглядов, действий и в том, и в другом случае речь идет о теории, оторванной от живой жизни, противоречащей ей, о теории, являющейся применением породившей ее общей мировоззренческой системы.

ДОСТОЕВСКИЙ: ЛОГИКА ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА

П. Тороп

Отношение Ф. М. Достоевского к евреям и еврейскому вопросу можно считать достаточно изученным. Но эта изученность прежде всего имманентная, лексико-тематическая. С одной стороны, можно говорить о вынужденной имманентности, так как относительно мало изучена история еврейского вопроса в России и трудно создать необходимый для осмыслиения отдельных фактов фон. Примером может служить уже чтение Достоевским антисемитской литературы. Известно, что в библиотеке писателя было несколько книг подобного содержания: два издания книги Я. Брафмана «Книга Кагала» (Вильно, 1869, 1870) и книга М. Гриневича «О тлетворном влиянии евреев на экономический быт России и о системе еврейской эксплуатации» (СПб., 1876).¹ Один из интересных исследователей Достоевского Ж. Катто назвал эти книги черными пятнами библиотеки писателя.² В то же время мы не знаем точно, как эти книги оказались в библиотеке Достоевского, какие книги на данную тему он еще знал или читал и, главное, как он их читал! Например, в случае книги Я. Брафмана со временем изменилось отношение к ней самих евреев. На уровне энциклопедического знания это отражается в переходе от резко отрицательного отношения в начале века³ к более позднему при-

знанию подлинности первоисточников и точности их перевода, но ложности интерпретации.⁴

Мало данных и о том, насколько Достоевский знал еврейскую журналистику своего времени. Знал ли он, например, статью Т. Рабиновича «Брафманские виды еврейской эксплуатации», напечатанной в «Еврейской библиотеке» (СПб., 1873, т. 3). В итоге и комментаторы полного собрания сочинений вынуждены характеризовать связь Достоевского с книгами Я. Брафмана и М. Гриневича при помощи конструкций «может быть частично опирается», «мог иметь в виду»⁵ (25:389).

С другой стороны, преобладание имманентного анализа связано и с нерешенностью некоторых методологических проблем. Во-первых, это касается отделения еврейского вопроса от общей системы идеологических взглядов Достоевского и тем самым отказа от целостного идеологического или мировоззренческого фона. Такой фон необходим для понимания эволюции взглядов Достоевского, в том числе изменения семантического поля понятий, больше всего связанных с рассуждениями об еврейском вопросе: еврей — жид,⁶ жидовская идея, еврейский вопрос, Кагал и т. п.

Во-вторых, можно говорить об игнорировании одного из основных принципов историко-литературного исследования — критики источников. Прежде всего это касается недопустимого уравнивания художественного творчества, публистики, записных тетрадей, черновиков и писем. В случае художественных текстов, например, не учитывается в достаточной мере концепция произведения, диктующая и толкующая его структурные особенности. В результате не учитывается система взаимосвязей между персонажами и забывается повествователь, играющий в романах Достоевского особо важную роль. Примером может послужить Исаи Фомич из «Записок из мертвого дома», с которого обычно начинается иллюстрирование антисемитизма Достоевского. Не нужно быть адвокатом Достоевского, чтобы понять односторонность осмыслиения этого персонажа лишь как карикатуру на евреев и их веру. Исаи Фомич описан в произведении с трех точек зрения: на него смотрит повествователь — дворянин, простой народ — каторжане и он сам объясняет порой свое поведение. Кроме того, он создан автором, связан с концепцией «Записок из мертвого дома». В концептуальном

¹ Л. Гроссман. Библиотека Достоевского. По неизданным материалам. С приложением каталога библиотеки Достоевского. Одесса: Книгопр-во А. А. Иvasенко, 1919, с. 158, 159.

² J. Catteau. Dostoyevsky and the process of literary creation. Cambridge — New York — New Rochelle — Melbourne — Sydney: Cambridge University Press, 1989, p. 83.

³ Еврейская энциклопедия. Том второй. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1907, с. 738.

⁴ Краткая еврейская энциклопедия. Т. I. Иерусалим: Кетер, 1976, с. 532.

⁵ Тексты Достоевского цитируются по изданию: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений в 30 томах. Л.: Наука, 1972—1990. В скобках первая цифра указывает на том, следующие — на страницы.

⁶ Cp.: H. Birnbaum. Some problems of the etymology and the semantics of Slavic žid «Jew». — Slavica Hierosolymitana. Slavic Studies of the Hebrew University. Vol. VII. Jerusalem: The Magnes Press, 1985, p. 1—11.